

Тимоти Келлер

Молитва

Испытывая благоговение и близость с Богом

перевод с английского

ЛЕВИТ

Здолбунов
2023

Введение

Зачем писать книгу о молитве?

Несколько лет назад я понял, что, хотя я и являюсь пастором, у меня нет книги, которую я мог бы предложить тем, кто желает понять, в чём суть христианской молитвы и как практиковать молитву в своей жизни. Это не означает, что хороших книг о молитве не существует. С давних пор на эту тему написано множество книг, и многие из них намного мудрее и проникновеннее, чем мог бы написать я. Самые лучшие материалы на тему молитвы уже написаны.

Однако во многих из этих прекрасных книг использованы устаревшие выражения, малопонятные большинству современных читателей. К тому же эти книги, как правило, являются богословскими либо религиозными, или практическими, но редко под одной обложкой сочетаются богословие, практические советы и методология¹. Книга же об основах молитвы должна охватывать все названные направления. Кроме того, практически во всех классических книгах о молитве немало страниц посвящено предупреждению читателей о духовно бесполезных или даже вредных практиках того времени. Я считаю, что такие предостережения следует обновлять для читателей каждого поколения.

Два вида молитвы?

Современные авторы, размышляя о молитве, склонны придерживаться одного из двух взглядов на этот вопрос. Акцент

сегодня в основном ставится на молитву как на средство ощутить Божью любовь и познать единство с Ним. Нам обещают жизнь, исполненную мира и непрерывного покоя в Боге. Такие авторы зачастую представляют читателям яркие свидетельства чувствований человека, постоянно находящегося в Божьем присутствии. Авторы других книг, в свою очередь, видят в молитве не средство достижения внутреннего покоя, а призыв к Богу установить Его Царство. В этом случае молитва рассматривается как борьба, в которой часто – или даже обычно – нет места явному ощущению непосредственного Божьего присутствия. Одна из таких книг – *The Still Hour* («Тихое время») Остина Фелпса². В начале своей книги Фелпс высказывает мысль, что христиане могут не ощущать присутствие Бога во время молитвы и что это нормально, ведь многим людям сложно обрести переживание Божьего присутствия.

Ещё одна книга, в которой автор использует такой же подход, – *The Struggle of Prayer* («Молитвенная борьба») Дональда Дж. Блоша. Здесь автор критикует то, что он называет «христианским мистицизмом»³. Блош противостоит учению о том, что конечной целью молитвы является личное общение с Богом. По его мнению, такой подход делает молитву эгоистичной «самоцелью»⁴. Он также утверждает, что наивысшей целью молитвы является не мирное созерцание, а горячая мольба о том, чтобы Царство Божье осуществилось в мире и в наших собственных жизнях. Конечной целью молитвы должно быть «послушание воле Бога, а не созерцание Его сущности»⁵. Молитва главным образом предназначена не для устройства внутреннего состояния, но для подчинения Божьим намерениям.

Итак, есть два взгляда на молитву, назовём их «ориентированная на общение» и «ориентированная на Царство». Чем объясняются эти два взгляда? Одно из объяснений состоит в том, что они отображают реальный опыт и переживания людей. Некоторые люди обнаруживают, что их эмоции

безответны по отношению к Богу, а концентрироваться на молитве более нескольких минут им чрезвычайно трудно. Другие же регулярно переживают ощущение Божьего присутствия. Но это объясняет наличие различных взглядов на молитву лишь частично, поскольку богословские отличия также играют роль. Дональд Дж. Блош утверждает, что взгляд на молитву как мистическое действие согласуется скорее с воззрением католиков, согласно которому Божья благодать изливается непосредственно на нас через крещение и мессу, нежели с протестантской верой в то, что мы получаем спасение через веру в Божье Слово евангельского обетования⁶.

Какой же взгляд на молитву более правильный? Является ли молитва исключительно мирным благоговением или напористой мольбой? Данный вопрос предполагает выбор из двух вариантов, но ответ на него вряд ли выглядит именно так.

Общение и Царство

За помощью в этом вопросе нам стоит обратиться прежде всего к книге Псалтирь – богодухновенному молитвеннику Библии. В ней хорошо представлены обе практики молитвы. Есть псалмы такие, как 26, 62, 83, 130, а также «продолжительное Аллилуйя» в 145–150 псалмах, отражающих наполненное восхищением общение с Богом. В Псалме 26:4 Давид говорит, что главное, чего он просит у Господа в молитве, – это возможность «...созерцать красоту Господню...». В действительности Давид молился и о многом другом, но здесь он говорит, что нет ничего лучшего, чем осознавать присутствие Божье. Потому он говорит: «Боже!.. Тебя жаждет душа моя... чтобы видеть силу Твою и славу Твою, как я видел Тебя во святилище: ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь. Уста мои восхвалят Тебя» (Пс. 62:2–4). Восхищаясь Богом в Его присутствии, Давид говорит: «Словно лучшими яствами душа моя насыщается...» (Пс. 62:6, НРП). Вот оно, истинное общение с Богом.

Однако ещё больше псалмов выражают жалобу, мольбу о помощи или призывы к Богу явить Свою силу в этом мире. В некоторых псалмах мы находим неистовое выражение переживания отсутствия Бога. В таких псалмах молитва на самом деле выглядит как борьба. Псалмы 9, 12, 38, 41–42 и 87 – вот лишь несколько таких примеров. В Пс. 9:22 мы читаем, как его автор задаёт вопрос: почему Бог «стоит вдали» и «скрывает Себя» во время скорби? И вдруг он восклицает: «Восстань, Господи, Боже [мой], вознеси руку Твою, не забудь угнетенных» (Пс. 9:33). Однако далее, похоже, он едва ли не говорит с самим собой, мысленно обращаясь к Господу: «Нет! Ты *видишь* обиды и притеснения и готов воздать Своею рукой... Ты сиротам помощник» (Пс. 9:35, НРП). Завершая свою молитву, псалмопевец склоняется перед Божьей своевременностью и Его мудростью во всех делах, и в то же время он отчаянно взывает о правосудии на земле. Перед нами молитва-борьба, ориентированная на Царство Божье. Следовательно, книга Псалтирь утверждает и молитву, в которой молящийся ищет общения, и молитву, направленную на поиск Божьего Царства.

Кроме рассмотрения реальных молитв из Библии, нам стоит также обратить внимание на библейское богословие молитвы – на те находящиеся в Боге и в нашей сотворённой природе причины, благодаря которым человеческие существа способны молиться. Библия говорит нам, что Иисус Христос является нашим посредником и что, благодаря Ему, мы, сами по себе недостойные, можем смело приступать к престолу Божьему и умолять Его ответить на наши нужды (Евр. 4:14–16; 7:25). В Библии также сказано, что Сам Бог живёт в нас Духом Святым (Рим. 8:9–11) и помогает нам молиться (Рим. 8:26–27), чтобы мы уже сегодня могли верой взирать на славу Христа и созерцать её (2 Кор. 3:17–18). Таким образом, Библия предоставляет нам богословское обоснование обоих видов молитвы: и «ориентированной на общение», и «ориентированной на Царство».

Поразмыслив немного, мы увидим, что эти два вида молитвы не только не противоречат друг другу, но даже не являются отдельными видами. Благоговение перед Богом пронизано мольбой. Прославлять Бога означает молиться «да святится имя Твое...» и просить Его явить миру Свою славу, чтобы все почитали Его *как* Бога. Но точно так же, как в благоговении содержится мольба, так и поиск Божьего Царства должен включать в себя молитву о познании Самого Бога. В Вестминстерском кратком катехизисе говорится, что наша цель – «прославлять Бога и вечно радоваться в Нём». В этом известном утверждении отображается и молитва о Царстве, и молитва-общение. Не всегда в жизни эти два действия – прославление Бога и вечная радость в Нём – совпадают, но в итоге они должны стать одним и тем же. Мы можем молиться о том, чтобы Царство Божье пришло, но, если мы всем своим существом не наслаждаемся Богом в высшей степени, мы не почитаем Его как Господа⁷.

В заключение, если мы обратимся к величайшим авторам прошлого, писавшим о молитве, таким как Августин, Мартин Лютер и Жан Кальвин, то увидим, что в отношении молитвы они не занимали чётко одну позицию⁸. А выдающийся католический богослов Ханс Урс фон Бальтазар даже сделал попытку привнести баланс в мистическую, созерцательную молитвенную традицию. Он предостерегал от чрезмерного обращения к своим внутренним переживаниям. «Созерцательная молитва... не может и не должна сводиться к самосозерцанию, она должна быть благоговейным всматриванием и вслушиванием в то, что... есть «Не-я», – в Слово Божие»⁹.

От обязанности к наслаждению

Что же остаётся нам? Не стоит вбивать клин между поиском личного общения с Богом и молением о продвижении Его Царства в наших сердцах и в мире. Если не разрывать

эти два направления молитвы, то общение с Богом не будет безмолвным мистическим осознанием, с одной стороны, а наши прошения – просто одним из методов получения Божьей благосклонности благодаря своему многословию, с другой (Мф. 6:7).

Эта книга покажет, что молитва – это одновременно *и* общение с Богом, *и* соприкосновение с Ним. Эти два подхода дают нам определение молитвы и набор инструментов, способных сделать нашу молитвенную жизнь более основательной. Традиционные формы молитвы – поклонение, исповедание, благодарение и прошение – являются в той же степени реальными практиками, как и глубокими переживаниями. Мы должны познать и благоговейное восхищение Его славы, и близость обретения Его благодати, и борьбу в молении о Его помощи, ведь всё это приведёт нас к познанию духовной реальности Его присутствия. Поэтому молитва является благоговением *и* близостью, борьбой *и* реальностью. Всё это не всегда будет присутствовать в нашей молитве, но каждый из этих моментов должен быть её основной составляющей на протяжении всей нашей жизни.

Прекрасный итог всему вышесказанному может подвести подзаголовок книги о молитве, написанной Дж. И. Пакером и Кэролайн Нистром: молитва – это «поиск пути через обязанность к наслаждению». Таков путь молитвы.

Глава первая

Необходимость молитвы

«Мы просто не выдержим»

Будучи уже зрелым мужчиной, я открыл для себя молитву. У меня просто не было другого выхода. Осенью 1999 года я преподавал курс изучения Библии по книге Псалтирь. Тогда мне стало ясно, что я лишь едва затронул тему библейских указаний и обетований о молитве. Затем в Нью-Йорке после 11 сентября наступили тёмные времена. Несмотря на то, что эта трагедия сплотила наш город, в то же время он целиком погрузился в нечто напоминающее всеобщую клиническую депрессию. Над моей семьёй тучи сгустились ещё больше, поскольку моя жена Кэти боролась с последствиями болезни Крона. Ну и наконец, у меня самого диагностировали рак щитовидной железы.

Однажды во время этих испытаний моя жена призвала меня делать вместе то, что ранее мы никак не могли делать регулярно из-за нехватки самодисциплины. Кэти попросила меня молиться с ней каждый вечер. *Каждый* вечер. Для этой просьбы она использовала иллюстрацию, в которой очень хорошо описала свои чувства. Насколько мы помним, она сказала тогда примерно следующее:

«Представь, что у тебя диагностировали смертельно опасную болезнь, и врач сказал, что в течение нескольких часов ты умрёшь, если только каждый вечер перед сном не будешь принимать определённую таблетку. Представь, врачи сказали, что тебе грозит смерть, если ты хоть раз пропустишь её приём. Тогда ты мог бы

забыть о ней? Ты разве не нашёл бы на это время? Нет, это настолько важно, что ты не забыл бы о ней и ни разу не пропустил бы её приём. Что ж, если мы не будем вместе молиться Богу, то просто не выдержим всего, с чем столкнулись. Я точно не выдержу. Мы *должны* молиться, мы не можем позволить себе, чтобы это просто вылетело из нашей головы».

Не знаю, что это было: сила иллюстрации, просто подходящий момент. А может, это был Дух Божий. Вероятнее всего, Дух Божий использовал одновременно и этот момент, и ясность метафоры – до нас обоих «дошло». Мы осознали всю серьёзность вопроса и признали, что должны делать то, что действительно является необходимостью и не подлежит обсуждению. С того времени прошло уже более двенадцати лет, и мы с Кэти не можем вспомнить ни одного вечера, когда бы мы не молились вместе, хотя бы по телефону, если находились в разных полушариях Земли.

Решительные слова Кэти, ставшие хорошей встряской для меня, а также моё собственное растущее убеждение в том, что тогда у меня *отсутствовала* молитвенная жизнь, – всё это привело меня к поиску. Мне хотелось существенно улучшить личную молитвенную жизнь. Я начал много читать и экспериментировать в молитве. Осмотревшись вокруг, я вскоре увидел, что я не один в своих поисках.

«Хоть кто-нибудь может научить меня молиться?»

Когда известной южноамериканской писательнице Фланнери О'Коннор был 21 год, изучая в Айове литературное творчество, она стремилась углубить свою молитвенную жизнь. У неё просто не было другого выхода.

В 1946 году О'Коннор начала вести рукописный молитвенный дневник. В нём она описывала свою борьбу за то, чтобы

стать великой писательницей: «Я очень хочу получить мировой успех в том, чем я хочу заниматься... Я так разочарована своей работой... Называть себя бездарью грубо, но обо мне иначе и не скажешь... Пока что мне гордиться нечем. Я глупая, такая же глупая, как и люди, которых я высмеиваю». Подобные заявления можно найти в дневнике любого желающего добиться успеха творческого человека, но О'Коннор поступила с этими чувствами иначе. Она изливала их в молитве. И в этом она шла по очень древнему пути, ведь так поступали ещё ветхозаветные псалмопевцы, которые не просто выявляли, выражали и изливали свои чувства, но и представляли их в Божьем присутствии с предельной прямоотой. О'Коннор писала об этом:

«... в этом скорее усилия артистизма, а не помышления о Тебе и вдохновение любовью, которую я желала бы иметь. Дорогой Боже, я не могу любить Тебя так, как хочу. Ты подобен полумесяцу, который вижу, я же тень Земли, не позволяющая мне увидеть Луну целиком... боюсь, дорогой Боже, не вырастет ли моя тень настолько, чтобы закрыть всю Луну, и не буду ли я судить себя по тени, которая есть ничто. Я не знаю Тебя, Боже, поскольку я ещё на пути познания Тебя»¹.

Здесь О'Коннор признаёт то, что Августин ясно выразил в своём молитвенном дневнике, в *«Исповеди»*: наше благополучие зависит от того, какое место занимает в нашей жизни любовь к Богу. Если мы любим успех больше, чем Бога и своего ближнего, то наше сердце ожесточается и мы становимся менее способными чувствовать и ощущать. По иронии судьбы это обедняет наши творческие способности. Следовательно, поскольку О'Коннор была наделена исключительным писательским талантом и могла стать высокомерной и поглощённой собой, её единственной надеждой было постоянное перенаправление своей души в молитве: «О Боже, прошу, очисти

мой разум. Прошу, сделай его ясным... Прошу, помоги мне спуститься к самой сути вещей и найти Тебя»².

Она размышляла о том, как организовать записи своих молитв в дневнике. Осознавая проблему, связанную с формой изложения, она писала: «Я решила, что это не совсем прямое средство молитвы. Молитва здесь даже не продумана заранее – она возникает спонтанно и на данный момент слишком медленно»³. Опасность заключалась ещё и в том, что записанное могло быть не настоящей молитвой, а выплеском чувств: «Я... хочу, чтобы это было... чем-то во славу Божию. Возможно, это больше походит на терапию... с элементом своего “я” в основе этих мыслей»⁴.

Однако вместе с этим дневником, как верила Фланнери О'Коннор, она «начала новый этап своей духовной жизни... отказавшись от некоторых юношеских привычек и умозаключений. Немногое нужно, чтобы заставить нас осознать, какие же мы глупцы, но это немногое приходится долго ждать. Моя нелепая сущность открывается мне постепенно»⁵. О'Коннор усвоила, что молитва – это не просто одинокое исследование своей собственной личности. В молитве человек не один, он с Богом, а Бог – уникален. Он единственный, от Кого ничего не возможно скрыть. Перед Ним вы неизбежно придёте к тому, чтобы увидеть себя в новом, уникальном свете. Молитва таким образом ведёт к самопознанию, недостижимому любым иным путём.

Всё остальное в дневнике О'Коннор по сути было простым желанием научиться молиться по-настоящему. Она интуитивно знала, что молитва – это ключ ко всему, чем ей нужно было заниматься и кем быть в жизни. Она не довольствовалась формальными религиозными обрядами своего прошлого: «Я не собираюсь отрицать традиционные молитвы, которые я произносила на протяжении всей жизни; но, говоря их, я не чувствовала их. Я не могу удержать своё внимание, оно всегда “убегает”. Так происходит каждое мгновение. Но когда я думаю и пишу это Тебе, то чувствую поразительное тепло

любви. Прошу, пусть эта любовь не охладает из-за того, как это состояние объясняют психологи»⁶.

В конце одной из записей она просто восклицает: «Хоть кто-нибудь может научить меня молиться?»⁷ Миллионы людей сегодня задают тот же вопрос. У людей есть ощущение потребности в молитве — нам *нужно* молиться.

Но как?

Пейзаж, сбивающий с толку

Начавшаяся пополение назад увлечённость западного общества духовностью, медитацией и созерцанием постоянно растёт. Возможно, эта увлечённость началась с широко разрекламированного интереса участников группы «Битлз» к восточной медитации, а общий упадок религии как общественного института только подлил масла в огонь. Всё меньшему количеству людей известен распорядок регулярных церковных собраний, хотя всё ещё остаётся некое духовное стремление. Сегодня никто и бровью не ведёт, прочитав в статье «*Нью-Йорк Таймс*» краткое упоминание о том, что Роберт Хэммонд, один из основателей городского парка Хай-Лайн в Челси, западном районе Манхэттена, собирается отправиться в Индию на трёхмесячный ретрит по медитации⁸. Ежегодно множество жителей Запада потоками устремляются в ашрамы и другие духовные центры в Азии⁹. Руперт Мёрдок недавно написал в Твиттере, что изучает трансцендентальную медитацию: «Все вокруг её советуют. Начинать не так легко, но, говорят, она всё улучшает!»¹⁰

В христианской церкви наблюдается подобный взрыв увлечённости молитвой. Мы наблюдаем стремление к древним медитативным и созерцательным практикам. Сейчас у нас есть целая небольшая империя разнообразных учреждений, организаций, сообществ и практиков, предоставляющих обучение и наставничество в различных методах молитвы:

центрирующей молитве^{*}, созерцательной молитве, молитве «слушания», *lectio divina*^{**} и многих других, которые мы сегодня называем «духовными практиками»¹¹.

Однако не стоит характеризовать эту увлечённость как единую когерентную «волну». Скорее, это совокупность мощных встречных подводных течений, создающих волнения воды, несущие опасность для многих новообращённых. Сильный акцент на созерцательной духовности подвергался существенной критике как католической, так и протестантской церковью¹². Осмотревшись вокруг в поисках ресурсов, способных оказать помощь в молитвенной жизни как мне, так и другим христианам, я увидел, насколько сбивающим с толку является окружающий меня пейзаж.

«Разумный мистицизм»

Понимание, куда же идти дальше, пришло ко мне, когда я вернулся к собственным духовно-богословским корням. Ещё в начале своего пасторского служения в Вирджинии, а затем и в Нью-Йорке я проповедовал по посланию апостола Павла к Римлянам. В середине главы 8 Павел пишет:

«Потому что вы не приняли духа рабства, [чтобы] опять [жить] в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!” Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии» (стихи 15–16).

* Англ. centering prayer – вид молитвы, в котором ставится значительный акцент на «внутренней тишине», благодаря чему она во многом напоминает медитативные практики. Источник: Википедия. – Прим. перев.

** «Божественное чтение» (лат.) – традиционная практика чтения Библии, медитации и молитвы, разработанная в качестве одного из элементов монашеской дисциплины во времена Бенедикта Нурсийского. Источник: <http://baznica.info/article/lectio-divina-instruktsiya-po-primeneniyu/> – Прим. перев.

Дух Божий заверяет нас в Божьей любви. Во-первых, благодаря Святому Духу мы можем приступать к великому Богу и взывать к Нему как к любящему нас Отцу. Далее, соединяясь с нашим духом, Святой Дух добавляет ещё более прямое свидетельство. Впервые я обратил серьёзное внимание на эти стихи из послания к Римлянам во время чтения проповедей доктора Мартина Ллойд-Джонса, британского проповедника и писателя середины двадцатого века. Ллойд-Джонс пришёл к выводу, что в этом отрывке Павел писал о глубоком переживании реальности Бога¹³. В итоге я обнаружил, что большинство современных комментаторов Библии в общем соглашались, что эти стихи описывают, как сказал один новозаветный исследователь, «неописуемое религиозное переживание», поскольку уверенность в гарантированной Божьей любви «мистична в лучшем смысле этого слова». Томас Шрайнер добавляет, что мы не должны «недооценивать эмоциональное основание» такого переживания: «Некоторые уклоняются от этой идеи из-за её субъективности, но злоупотребление субъективным в некоторых кругах не может исключить “мистические” и эмоциональные аспекты христианского переживания»¹⁴.

Предложенное Ллойд-Джонсом толкование также указало мне на авторов, труды которых я читал, ещё учась в семинарии, таких как Мартин Лютер, Жан Кальвин, британский богослов семнадцатого века Джон Оуэн и американский философ и богослов восемнадцатого века Джонатан Эдвардс. Я обнаружил, что все они не выбирали между истиной *или* Духом, между доктриной *или* переживаниями. Особенно полезным для меня на этом этапе стал один из наиболее опытных богословов старшего поколения – Джон Оуэн. В своей проповеди о Евангелии Оуэн проявил должное усердие, изложив доктринальное основание христианского спасения. Затем, однако, он увещевает своих слушателей «*переживать* силу Евангелия... в сердцах своих, иначе всё ваше вероисповедание теряет силу»¹⁵. Это сердечное переживание силы

Евангелия может иметь место только в молитве – как публичной в собрании христиан, так и в личных размышлениях.

В своих поисках более глубокой молитвенной жизни я пошёл нелогичным путём, сознательно избегая чтения любых новых книг о молитве. Вместо этого я вернулся к оказавшим на меня особое влияние историческим текстам христианского богословия и начал задавать себе вопросы о молитве и переживании Бога, вопросы, которые не возникали в моём разуме достаточно ясно в то время, когда я изучал эти тексты в аспирантуре несколько десятилетий назад. Я открыл для себя много истин, которые прежде пропустил совсем. Я нашёл руководство по внутренней молитвенной жизни и духовным переживаниям, которое вознесло меня над опасными течениями и водоворотами современных движений и споров о духовности. Я обратился к шотландскому богослову Джону Мюррею, чьи идеи стали для меня одними из наиболее полезных:

«Нам необходимо признать, что в жизни веры присутствует *разумный мистицизм*... живой союз и общение с пребывающим вечно Искупителем... Он общается со Своим народом, и Его народ общается с Ним в сознательной обоюдной любви... Жизнь истинной веры не может иметь холодный металлический оттенок. В ней должны присутствовать страсть и тепло любви и общения, поскольку общение с Богом – вершина и венец истинной религии»¹⁶.

Мюррей не был писателем, склонным к лирическим пассажам. Однако, говоря о «мистицизме» и «общении» с умершим за нас и вечно пребывающим Искупителем, он предполагает, что христиане будут иметь ощутимые отношения любви с Христом и что у них уже есть такой потенциал к личному познанию и переживанию Бога, что поражает воображение. Естественно, речь здесь идёт о молитве, но о какой молитве! В середине абзаца Мюррей цитирует первое послание

Петра 1:8: «Вы не видели Его, но уже любите Его, и сейчас, не видя Его, вы верите в Него и радуетесь неопишуемой и славной радостью...» (НРП). В более раннем Синодальном переводе сказано: «...радостью неизреченною и преславною...» В другом переводе: «...невыразимой, чудесной радостью...» (РБО. Радостная весть)¹⁷.

Размышляя над этим стихом, я не мог не удивиться тому, что апостол Пётр в своём послании к Церкви мог обращаться ко всем своим читателям, используя именно такие слова. Он не сказал: «Ну некоторые из вас, особо духовные, начали переживать особенную радость в молитве. Надеюсь, и остальные отставать не будут». Нет, Пётр полагал, что переживание безграничной радости в молитве было нормой. Эти слова стали для меня обличением.

Особый отклик во мне нашла одна из фраз Мюррея, в которой он говорит, что мы были призваны к *разумному* мистицизму. Это предполагает встречу с Богом, в которой задействованы не только чувства, но и убеждения разума. Мы не призваны выбирать между христианством, которое основано на истине и доктрине, и христианством, исполненным духовной силы и переживаний. В нашей христианской жизни должно иметь место и то, и другое. Я не был призван оставить богословие и отправиться на поиски «чего-то большего», каких-то переживаний. Скорее, я должен был просить у Духа Святого, чтобы Он помог мне пережить моё богословие на практике.

Научиться молиться

Вспомним вопрос, который так жалобно задавала Фланнери О'Коннор: так как же нам на самом деле научиться молиться?

Летом после успешного лечения рака щитовидной железы я внёс четыре практических изменения в свою жизнь личного

посвящения. Во-первых, я выделил несколько месяцев на то, чтобы прочитать всю книгу Псалтирь, делая при этом выводы из каждого псалма. Это позволило мне начать регулярно молиться псалмами, прочитывая весь Псалтирь несколько раз в год¹⁸. Во-вторых, я начал постоянно добавлять время для размышления в качестве переходного этапа между чтением Библии и временем молитвы. В-третьих, я делал всё возможное, чтобы молиться утром и вечером, а не только утром. В-четвёртых, я начал молиться с бóльшим ожиданием.

Изменения не сразу принесли плод, но после того, как я регулярно практиковал их на протяжении примерно двух лет, у меня появились определённые прорывы. Несмотря на все падения и взлёты, пережитые мной с того времени, во Христе я нашёл новую сладость, однако также и новую горечь, ведь теперь в новом свете живой молитвы я мог видеть своё сердце яснее. Иными словами, у меня было и больше спокойных переживаний любви, и больше борьбы за то, чтобы увидеть Божью победу над злом как в моём собственном сердце, так и в мире. Эти два переживания молитвы, которые мы обсуждали во введении, росли вместе, как деревья-близнецы. Сейчас я верю, что так и должно быть. Одно побуждает другое. В результате я получил такое духовное оживление и такую силу, каких я как христианский служитель, несмотря на все произнесённые мной проповеди, не имел никогда ранее. Далее в книге изложено то, чему я научился.

Тем не менее писать о молитве невероятно сложно. И главным образом не потому, что она необъяснима по своей сути, но потому, что перед ней мы чувствуем себя маленькими и беспомощными. Ллойд-Джонс однажды сказал, что он никогда не писал о молитве из-за чувства собственной некомпетентности в этой сфере¹⁹. Однако сомневаюсь, что кто-либо из лучших в истории авторов трудов о молитве чувствовал себя более компетентным, чем Ллойд-Джонс. Британский писатель начала двадцатого века П. Т. Форсайт выразил моё ощущение и стремление лучше, чем мог бы это сделать я сам:

«Писать о молитве – дело сложное и даже вызывающее опасения, и страшно прикоснуться к Ковчегу... Но, быть может, к этому усилию... с милостью отнесётся Тот, Кто живёт вечно, дабы ходатайствовать, что само по себе есть молитвой, чтобы я лучше знал, как молиться»²⁰.

Молитва – это единственный путь к подлинному самопознанию. Главным образом именно через молитву мы переживаем глубокие изменения – перерасстановку приоритетов любви. Посредством молитвы Бог дарует нам множество того невообразимого, что Он приготовил для нас. Именно благодаря молитве Бог может давать нам многое из того, чего мы желаем более всего. Так мы познаём Бога, так в конечном счёте мы почитаем Его *как* Бога. Молитва – это ключ ко всему, что нам следует делать и кем нам нужно быть в жизни.

Мы должны научиться молиться. У нас просто нет другого выхода.